

18+

АЛЕКСАНДР КИРПИЧЕВ

Красный дипкурьер

СЛУЖБА В СССР. НЕПРИДУМАННЫЕ
ИСТОРИИ

Александр Кирпичев

**Красный дипкурьер. Служба
в СССР. Непридуманнные истории**

«Издательские решения»

Кирпичев А.

Красный дипкурьер. Служба в СССР. Непридуманные истории /
А. Кирпичев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-654184-9

Книга будет интересна всем тем, кто когда-то служил в армии, особенно профессиональным военным. Она напомнит им об армейской юности, годах, посвященных служению Родине. А также тем, кто не служил в армии и имеет о ней представление только из художественных фильмов и художественной литературы.

ISBN 978-5-00-654184-9

© Кирпичев А.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	7
Дальневосточник	9
Первая командировка	10
Дезертир	11
На одном крыле	12
Первая тревога	13
Особый талант	14
Колун	16
Золотые кирпичи	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Красный дипкурьер Служба в СССР. Непридуманные истории

Александр Кирпичев

© Александр Кирпичев, 2025

ISBN 978-5-0065-4184-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1982 год.

Об авторе

К окончанию школы я уже твердо решил стать военным.

Начало службы было стремительным. В июне 1978 года сдал выпускные экзамены в школе. В июле – вступительные экзамены в Воронежское Высшее Военное Авиационное Инженерное Училище (ВВВАИУ). Свои 17 лет встретил в августе на плацу во время строевой подготовки. Как говорится, с бала на корабль. И мало кто из нас представлял, что будет впереди.

Курсантские годы – это круговорот событий, открытий и взросления. Первый год – просто выжить. Изнурительные наряды на кухню, ночные тревоги. Сердобольные женщины, водители троллейбусов, которые подбирали нашу роту во время утренней пробежки на Чернавской дамбе и везли до Чернавского моста. Всего и не перечислить. Потом стало легче. Юность в сапогах оказалась на редкость интересной и насыщенной событиями, встречами и поездками.

Четыре года пролетели незаметно, и вот – лейтенантские погоны.

По распределению попал на Дальний Восток, в г. Советская Гавань. Это на краю материка, напротив Сахалина. В ПВО, там стоял истребительный полк. Попал в Отдельный Батальон Аэродромно-Технического Обеспечения (ОБАТО). Мы обслуживали аэродром и полеты. Занял должность начальника Авто ТЭЧ – это вроде автосервиса для обслуживания и ремонта специальной техники. Должность капитанская, что сильно удивило. Когда приехал, понял, что сменщика нет, все развалено. Передвижная Автомобильная Ремонтная Мастерская (ПАРМ) – это то, что должно выезжать по тревоге – разграблена. И комплектация, и ходовая часть. АвтоТЭЧ нужно восстанавливать!

Маленький поселок недалеко от Сов-Гавани, два пятиэтажных дома на территории части и много рубленых деревянных двухэтажных домов на 8 квартир с печным отоплением и туалетом на улице. Романтика, живи – не хочу. Нашел в таком доме квартиру, завез мебель из квартирной части, поменял замки и зажил офицерской жизнью!

Через три года, изрядно помучившись, но восстановив ПАРМ до рабочего состояния, при первой же возможности перевелся на равнозначную должность начальника службы вооружения ОБАТО.

Служба стала спокойнее и интереснее. Благодаря постоянным командировкам, вплоть до Владивостока, объездил весь Хабаровский и Приморский край.

Через пять лет, в 1987 году, был переведен в г. Смоленск на равнозначную должность.

Смоленск – красивый древний город. Там, на должности начальника службы вооружения ОБАТО, прослужил три года, с 1987 по 1990 год. Получил звание капитана. Служилось легко, ровно.

В 1990 году, по состоянию здоровья родителей, удалось перевестись в ВВВАИУ на автомобильную кафедру, на должность старшего лейтенанта, чему был очень рад. Командование училища встретило меня радостно и приветливо, и тут же откомандировало на должность курсового офицера в курсантскую роту, чтобы служба медом не казалась. В 1992 году мы выпустили курс, набрали второй. Но я рвался на кафедру. Так как добром не получалось, сдал экзамены на соискание ученой степени, готовился писать кандидатскую. Тогда бы точно вернули на кафедру.

День 4 апреля 1993 года кардинально изменил мою службу на «до» и «после». При задержании вооруженного преступника получил тяжелое ранение. Два с половиной месяца пролежал в госпитале, перенес две операции.

Командование училища отнеслось ко мне бережно. Перевели на кафедру на спокойную должность. Дали время восстановиться. Предоставляли путевки в санатории. В начале

2002 года получил от училища квартиру, звание майора, и уволился по состоянию здоровья. На тот момент мне было 42 года.

Впереди ждала большая, интересная, насыщенная жизнь военного пенсионера. Но это уже совсем другие истории...

Дальневосточник

В 1982 году после выпуска из училища и своего первого офицерского отпуска прибыл на Дальний Восток, в г. Советская Гавань, в ОБАТО, на должность начальника АвтоТЭЧ. Со мной прибыл мой сокурсник Саша. Через две недели после вступления в должность офицеры нашей части сказали, что нам пора проставляться и становиться дальневосточниками. В лесу рядом с частью была небольшая поляна, на которой стояли деревянные столы и лавки. Там и проходили застолья. За территорией части, в нерабочее время. Не подкопаться. Командный состав отсутствовал. Короче – все свои.

Мы с Сашей закупились, накрыли стол. Как обычно, продслужба добавила от себя классическую картошку с тушенкой, соленья, рыбные консервы.

Сели. И приготовились к ритуалу вступления в дальневосточники. В нашей части это было просто: надо было залпом выпить полстакана чистого спирта. Всего-то 100 граммов спирта, спросите вы. Но мне только исполнился 21 год, и я практически не пил спиртное. Пил водку на выпускном, но воспоминания остались не самые приятные. Я любил пиво – наше родное «Жигулевское». Вот его мог выпить с удовольствием.

В то время я был юн, розовощек и до неприличия молодо выглядел. Так молодо, что в отпуске мне не продавали пиво, и пару раз требовали паспорт. Приходилось показывать офицерское удостоверение. Однажды и это не помогло. Дородная тетка отбросила его со словами: – Что ты мне какое-то удостоверение суешь? Ты мне ПАСПОРТ покажи!!!

И я готовился к ритуалу как к расстрелу. «Не ссы, Саня», – говорили мне. Выдох. Одним глотком проглотил. Водой запил. И ВСЕ!!! И ты уже – «Дальневосточник»!!!

Мне выпало первому. Спирт уже в руке. Рядом кто-то услужливо держит полный стакан с водой. Резко выдыхаю. Подношу стакан к губам. Зажмуриваюсь и с мыслями: «Ой, мамочки!!!» опрокидываю жидкость в рот! Во рту полыхнуло!! Дыхание перехватило!! Из глаз брызнули слезы!!! Чувствуя, что задыхаюсь, и если не запью спирт, то точно умру, выхватил стакан с водой и выпил его в три глотка. И тут дыхание перехватило окончательно!! В стакане была ВОДКА!!!! Ритуал, млядь!!! Кто выживет – тот Дальневосточник! Я задыхался и чувствовал, что теперь точно умру!!!

Вокруг суетились офицеры. Кто-то совал в зубы стакан с водой. Кто-то ругался: «Вы что, дебилы! Он же еще пацан зеленый!!» Кто-то причитал: «Ну кто ж знал, что он целый стакан выпьет!!!»

Наконец удалось выпить несколько глотков воды. Вдохнуть. Выдохнуть. Задыхать. И я почувствовал, что возвращаюсь к жизни. Тело стало мягким, ватным... Голова закружилась... Голоса стали уплывать... Образы расплываться... Меня хлопали по плечу. Улыбались. Говорили: «Молодец! Мужик!! ДАЛЬНЕВОСТОЧНИК!!!!...»

Утром очнулся в своей комнате, в кровати, с жуткой головной болью. И сразу почувствовал, что теперь я – настоящий деа-аааааааааааааа...! Дальневосточник!!!

Первая командировка

В первые полгода службы меня отправили в командировку. На первый взгляд, командировка казалась простой и интересной. Я и трое солдат с оружием прибывали под Хабаровск на склады, получали там несколько вагонов с разрядным грузом для авиаполка (ракеты, снаряды, пиротехника) и сопровождали эти вагоны до нашей сортировочной станции. Но все офицеры так старательно отбивались от этой командировки, что в конце концов поехал я.

Это было зимой. Мы прибыли на склады, получили опечатанные вагоны и прицепленную к ним теплушку. И вот тогда все стало понятно. Это была старая довоенная теплушка, которую мы все видели в фильме «Офицеры» и в других фильмах про войну. Она была разделена на две половины обычной фанерной стеной с дверью. В одной половине стояла буржуйка, деревянные нары и висел жестяной фонарь со стеклом и вставленной свечой – «летучая мышь». В другой половине теплушки были навалены наколотые дрова и стояло ведро.

И хотя на улице был мороз, дверь в теплушке до конца закрывать было запрещено, стоял ограничитель. Это чтобы нас не закрыли снаружи. У двери в движении постоянно находился автоматчик. На остановках он выходил и прогуливался вдоль опечатанных вагонов.

Эх, романтика, думал я! Как в фильмах про войну!! Восторг несколько поутих, когда мы поехали. На улице было -20. В протопленной половине теплушки температура не поднималась выше +8, и буржуйку надо было постоянно топить. От Хабаровска до Сов-Гавани лежала 500-километровая однокорейка. Было много разъездов, на которых наш состав подолгу стоял, пропуская встречные эшелоны.

В дороге мы провели 12 дней.

Мы спали не раздеваясь, ели не раздеваясь, ходили на ведро не раздеваясь. Если эшелон всю ночь стоял на полустанке, всю ночь сидел с автоматом у открытой двери теплушки, так как солдатам не доверял. Вдруг часовой уснет, и нас вырежут как котят. И романтика постепенно улетучивалась.

Окончательно она рассеялась, когда один из солдат отстал от поезда. Он пошел на стоянке в кусты, нас перекрыл эшелон, и мы уехали, а солдат остался. С подсумком на ремне, в котором было 90 патронов.

И тут я запаниковал – тюрьма! Потерять солдата, потерять патроны! На каждой остановке бегал к паровозу, узнавал, сколько стоим, и убегал в диспетчерскую. Звонил, просил, договаривался! Грозил карами небесными!! Уже не помню, что плел со страха! Но солдата нашли, посадили в кабину проезжавшего тепловоза и потом заботливо передавали из рук в руки следующему машинисту.

Он догнал нас на третьи сутки, уже перед Советской Гаванью, уставший, голодный, измученный 18-летний пацан. Живой и с патронами. Тут же наелся как хомяк и уснул.

А я ходил вокруг него и радовался, что первая командировка все-таки удалась!!!

Дезертир

В первые полгода службы мне удалось задержать преступника. И пусть он был без оружия, но на голову выше и достаточно крепок.

Я, молодой лейтенант, дежурил в комендатуре гарнизона. В камере сидел пойманный осужденный дезертир. Он сбежал из дисбата, его долго ловили, поймали и на время поместили к нам. Он служил матросом, поэтому в дисбате был в матросской форме и у нас тоже сидел в матросской форме. Дневальные, которых проинструктировали о несении службы, то ли отнеслись к этому наплевательски, то ли пропустили инструктаж мимо ушей, и решили, что это просто задержанный матрос. И выводили его в туалет спустя рукава. Воспользовавшись моментом, дезертир просто расшвырял их как котят и сбежал.

Комендант долго орал, арестовал дневальных, а потом заявил, что после дежурства, когда я сдам пистолет, то тоже буду арестован и посажен на гауптвахту.

Комендатура находилась в 20 минутах ходьбы от моего дома. Договорился с помощником, что схожу, возьму все необходимое для гауптвахты и вернусь. На обратном пути нос к носу сталкиваюсь с убежавшим. На несколько секунд замерли оба.

– А, лейтенант, – говорит он, – давай сюда пистолет! И протягивает руки.

Выхватываю пистолет, передергиваю затвор и трясусь от страха. На человека направил, страшно! А вдруг он выстрелит!?

– Ладно, – говорит дезертир, – я пошутил. И пошел.

– Стоять! – ору, – стрелять буду!! И продолжаю трястись от страха.

Он снисходительно улыбается через плечо и идет дальше. И вот тут нахлынула злость и ярость. Страх сразу прошел. И ненависть – и к себе, и к нему.

– Еще три шага, – ору, – и стреляю по ногам! Сам не дойдешь, дотащим! И сам себе поверил. Поверил и он. Но все-таки спросил:

– Да ты че, лейтенант? Да ты не выстрелишь!

– Попробуй, – говорю. – Только потом не обижайся. Первый выстрел в воздух. Потом по ногам. А теперь – пошел в комендатуру!!!

Часть пути мы проделали вдоль дороги. Он шел, сгорбившись и опустив руки. Пару раз оглянулся. Я же шагал, как в фильмах, выставив вперед пистолет и не отводя взгляда от спины дезертира. Мимо проезжали машины и автобусы, из которых на нас глазели люди. Картина была еще та – легчик-лейтенант под пистолетом ведет матроса. Конечно, в гарнизоне знали о не любви летунов и моряков. Но что бы до такого?

Привел его в комендатуру. Новые дневальные засуетились, открыли камеру. Он зашел в камеру, сел на топчан, свесив руки, и устало опустил голову.

– Твое счастье, – сказал я. – Пуля – дура. Целишь в ноги, а прилетит, куда Бог пошлет.

Остаток дежурства не было ни гордости, ни чувства удовлетворения. Только пустота и недоумение – как это, направить оружие на человека и выстрелить?!

Нас этому не учили.

На одном крыле

Дело было на Дальнем Востоке. Я был молодым старшим лейтенантом и служил в ОБАТО на должности начальника службы вооружения.

Однажды приехал в Хабаровск для получения разрядного груза для нашего авиационного полка. Груза было немного – полторы тонны, в основном авиационные пиропатроны. Было решено доставить его транспортным самолетом. В распоряжении нашего командира истребительной дивизии, расположенной в Хабаровске, был небольшой двухмоторный транспортный самолет, по-моему, Ан-26. Склады находились неподалеку. Из штаба армии пришел приказ, и командир дивизии, скрепя сердце, выделил свой транспортный самолет.

Быстро загрузили самолет, но улететь долго не удавалось. Взлетали и возвращались трижды. Два раза нас возвращали из-за непогоды, а в третий раз при взлете птица ударилась в лобовое стекло кабины, и пришлось вернуться. Командир авиадивизии по известным причинам (прощальные застолья) любил летать на проверки не на штатном истребителе, а на транспортнике, и такие задержки его ужасно злили. И меня он просто невзлюбил.

И, наконец, как у Чехова, то, что вы все так давно ждали, – случилось. Взлетели. Летим. Лететь через сопки и тайгу, где-то 500 километров. На полпути начала расти температура масла левого двигателя. Через некоторое время левый двигатель благополучно заклинило. Летим на правом, как в известной песне – на честном слове и на ОДНОМ КРЫЛЕ.

Впереди 250 километров пути. Под крылом проплывает тайга. В голове медленно проплывает вся моя коротенькая жизнь. И очень страшно.

На подлете к нашему аэродрому стала расти температура масла правого двигателя. На борту полторы тонны взрывчатки. Второй двигатель заклинило уже во время посадки, когда самолет планировал к посадочной полосе. Был бы посильнее встречный ветер – подумать страшно. И самолет мертвым грузом надолго застрял на нашем аэродроме.

Поэтому, когда комдив увидел меня на своем аэродроме в очередной раз, он то ли в шутку, то ли всерьез заорал на весь аэродром: «Дежурный по части, этого старлея на аэродром и к самолетам не подпускать!!! Это вредитель, диверсант!!! При обнаружении открывать огонь на поражение!!!»

Тем не менее, при встрече всегда здоровался первым: «А, Кирпичев! Ну здравствуй, вредитель!!»

Первая тревога

До того как пришлось познакомиться с командиром нашей авиационной дивизии лично, он уже знал меня заочно. В первые полгода своей службы я поднял дивизию по тревоге!!!

Накануне нас построил командир части и по страшному секрету объявил, что по имеющимся сведениям, завтра, без предупреждения, внезапно, командование округа объявит тревогу. Поэтому всем приготовиться и действовать согласно штатного расписания.

Первая тревога!!!! Конечно, я приготовился! Тревожный чемоданчик, полевая форма, будильник на 5:00. На всякий случай. И пораньше лег спать. В 5:20 в полевой форме с тревожным чемоданчиком уже был у автопарка. По дороге сталкиваюсь с нашими водителями (как потом оказалось, они шли штатно, для обеспечения полетов).

– Это что, тревога началась? – ору.

– Началась, – буркнул кто-то спросонья.

– А где мои!? – И пулей полетел в казарму. Залетел и заорал:

– Рота, подъем, тревога! Посыльные на выход!

И на свое рабочее место.

Через час построение. Все в полевой форме, батальон поднят по тревоге, авиаполк в повышенной боевой готовности, командование дивизии на ушах. Никто не может понять, откуда прошла команда! И кому докладывать, что дивизия поднята по тревоге?! Разобрались.

Дивизию по тревоге поднял лейтенант Кирпичев!!!

И меня потом еще полгода называли «зам. командира дивизии».

Особый талант

Когда я служил в ОБАТО на должности Начальника АвтоТЭЧ, в подчинении у меня было несколько прапорщиков. Каждый из них обладал каким-то особым талантом. Один виртуозно открывал любые замки и понемногу учил этому меня. Другой обладал необыкновенными коммуникативными навыками и мог договориться практически с любым. Полезный навык! Так как приходилось постоянно мотаться по сторонним автомобильным организациям в поисках взаимовыгодных обменов, это было необходимо. И я старательно учился коммуникации.

Третий, назовем его образно прапорщиком Ящук, обладал своим особым талантом, который трудно было назвать полезным, но он выделял его из всего коллектива батальона.

Он умел исчезать на глазах у всех.

Если прапорщик Ящук напивался в рабочее время, он шел домой. Но он не мог уйти просто так – он просто не мог идти. Прапорщик Ящук всегда напивался до состояния, когда едва держался на ногах, но то, что домой надо идти, усвоил четко. Его талантом было то, что на глазах у всего коллектива он делал это незаметно. При этом он умудрялся взять чей-то велосипед и идти, держась за него. Только что он был здесь, и уже исчез – ни его, ни чужого велосипеда нет.

Главное, что усвоил Ящук, – перебирать ногами, велосипед доведет. Даже если он напивался до невменяемого состояния, алгоритм действий работал четко: найти чужой велосипед и уйти домой.

Аэродром и территория части были разбросаны далеко друг от друга, многие офицеры, включая меня, пользовались велосипедами.

Напившись, Ящук исчезал с велосипедом незаметно для всех. Но это его не спасало. На вечернем построении офицеров и прапорщиков батальона, если Ящука не было на месте, комбат просто спрашивал:

- Все велосипеды на месте?
- Моего нет! – возмущенно кричал кто-то.
- Понятно, – злился комбат, – опять Ящук напился!

Ящука не выгоняли со службы по одной причине. Он был хорошим специалистом, безотказным, никогда не спорил и не оправдывался. Если нужно, мог возиться с неисправной техникой сутками. Да и напивался не так часто.

– Ящук, еще раз напьешься, выгоню! – лютовал комбат на построении. А Ящук стоял, сгорбившись, как маленький провинившийся мальчишка, и виновато шмыгал носом. И нам всем его становилось жалко.

Однажды вечером на службе я подвернул ногу. Да так сильно, что буквально взвыл от боли. Растяжение. На ногу ступить было нельзя. Кое-как перемотал, с трудом обулся.

– Товарищ лейтенант, езжайте домой, – предложили прапорщики. – Ну куда вы на построение в таком виде пойдете? Комбату скажем – ногу подвернул.

Сел на велосипед, попробовал проехать несколько метров – дикая боль в ступне. Слез, вспомнил Ящука и, держась за велосипед, с трудом поплелся домой. Со стороны это выглядело так: еле держась за велосипед, вдребезги пьяный лейтенант идет со службы домой.

- Преемственность поколений, – бормотал я. Что обо мне подумают?

На построении комбату доложили, что я подвернул ногу и пошел домой.

- Еле шел, держась за велосипед, – добавил кто-то из строя.

- Ящук где? – взревел комбат.

- Тут я, – отозвался Ящук.

– Ну значит действительно нога, – заключил комбат. – А то смотри, научишь лейтенанта своим «талантам».

Весь строй взорвался от хохота!!!

Колун

У меня в штате находилась ПАРМ-1М1 – Передвижная Автомобильная Ремонтная Мастерская. Она состояла из трех автомобилей и двух прицепов. И все это должно было выезжать по тревоге из автопарка в район рассредоточения.

Из этих трех машин одна была ЗИЛ-131, а две – ЗИЛ-157, в народе любовно называемые КОЛУН.

ЗИЛ-157 весил около 6 тонн и действительно был похож на колун. Имел треугольный капот. Был так же основателен и надежен. Нетороплив, но за счет полного привода и автоматической подкачки колес показывал фантастическую проходимость. При всех его плюсах имелся один ЖИРНЫЙ минус: у него не было усилителя руля. И руль приходилось поворачивать с большим усилием. Кто ездил на «Жигулях» – поймет. На средней скорости повернуть руль еще ничего. Но на малых скоростях либо при развороте это было целое мучение. За счет своей тяжести и широких колес разворачивался он тяжело. И на руле приходилось буквально висеть, чтобы повернуть колеса.

За все три года, пока я был начальником АвтоТЭЧ, солдатами у меня в основном были азербайджанцы. Ребята трудолюбивые (работал мой МЕТОД – подробнее о «методе» в рассказе: «ЗАРЭЖУ!»), но какие-то все маленькие и худенькие. И хотя ПАРМ выезжал по тревоге несколько раз в год, смотреть на них за рулем без слез было нельзя. Мало того что ЗИЛ-157 в управлении тяжел и неуклюж, но на машинах стояло еще и спецоборудование. И каждая из них весила более 10 тонн.

До пункта сбора техники по тревоге они доезжали нормально. Но потом, когда тревога заканчивалась и техника возвращалась в автопарк, начинались мучения. Они никак не могли развернуть тяжеленные машины на узкой поляне в лесу, куда мы прибывали. У них просто не хватало сил. Насмотревшись и намотюкавшись, я просто выгонял их из машин и по очереди разворачивал КОЛУНЫ в сторону автопарка. Это было занятие еще то. К концу манипуляций руки болели так, что просто вываливался из кабины. И мои гордые орлы отгоняли машины в автопарк, на стоянку. И так до следующего раза.

На следующее утро руки болели так, что ими было трудно пошевелить. Как в том анекдоте про глухонемого, о его ночных посиделках и долгих задушевных песнях.

А офицеры автопарка в этот день шутили:

– Саня, да ты качок!! Спортсмен!! Пойдем, подтягиваться на спор, кто больше!!!

Золотые кирпичи

Я был молодым лейтенантом, в должности начальника АвтоТЭЧ. АвтоТЭЧ принял полностью в разваленном виде. Ее надо было восстанавливать и доукомплектовывать. Приходилось много мотаться по различным автомобильным организациям. Так как машину давали не всегда, а автобусы ходили плохо, решил купить себе мопед. Походил по поселку, поспрашивал местных жителей и у одного из них за 50 рублей купил мопед «Верховина-6». Мопед был в хорошем состоянии, ездил довольно шустро.

Естественно, стал его улучшать. В том числе закрепил в районе заднего колеса, справа и слева от багажника, два металлических ящика на защелках. Этакие рокерские сумки. Ящики снял с какой-то списанной спецтехники. Они были довольно вместительные. В каждый из них, как потом оказалось, впритирку входило по два белых кирпича. Ящики очень выручали, когда приходилось мотаться в поисках запчастей, да и в поселок за продуктами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.